

КРОКОДИЛ

ЭТОТ НОМЕР
"КРОКОДИЛА"
ВЫХОДИТ В 5
ИЗДАНИЯХ:
МОСКОВСКОЕ,
ЛЕНИНГРАДСКОЕ,
УКРАИНСКОЕ,
УРАЛО-СИБИРСКОЕ
И ОСНОВНОЕ

ОДИННАДЦАТЫЙ
ГОД ИЗДАНИЯ
•
ЯНВАРЬ 1932 г.
•
МОСКВА

ЦЕНА 25 КОП.

ЛЕНИНИЗМ ЕСТЬ
ЧИСТО РУССКОЕ
НАЦИОНАЛЬНОЕ
ЯВЛЕНИЕ. ДЛЯ
ЗАПАНО-ЕВРО-
ПЕЙСКИХ СТРАН
ОН НЕПРИМЕНИМ
(ИЗ "АЗБУКИ МЕНЬШЕВИЗМА")

СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТ:—НИЧЕГО НЕ ПОНИМАЮ! НЕУЖЕЛИ ПРОЛЕТАРИАТ ВСЕГО МИРА НАЧАЛ ПОНИМАТЬ ПО-РУССКИ?..

И. Глазунов

ЯНВАРЬ 32

Савелий Октябрьев в ХАЛАТЕ

ОТ РЕДАКЦИИ

Мы получили от гражданина Савелия Октябрьева большой пакет с маленькой запиской следующего содержания:
„В прилагаемой статье я, с приущей мне искренностью, прямотой и непримиримостью, обрушиваюсь на гнилой либерализм и всякие охвосты, не щадя родных и знакомых. Если найдете в статье какие-нибудь ошибки, — поместите ее, как дискуссионную: так будет спокойней и вам и мне. Можете на всякий случай даже дать примечание: „Статья пропущена по недосмотру, — редактор был в командировке, а у заместителя болели зубы“. За гонораром эйду сам.“

С бесп. приветом С. Октябрьев.

При ближайшем рассмотрении в пакете никакой статьи не оказалось, зато вместо нее мы обнаружили целый ряд отдельных записей и заметок равнообразного содержания. Очевидно, в спешке гр. Савелий Октябрьев вместо обещанной статьи по ошибке сунул в пакет разрозненные странички (черновики) своего дневника. Ознакомившись с этими заметками и записями, редакция считает полезным опубликовать их.

Дневник гр. Савелия Октябрьева, чрезвычайно ярко рисующий личность его автора, — документ весьма примечательный. И пусть читатель, вооруженный этим дневником, внимательно посмотрит вокруг себя и поймет: быть может, среди своих знакомых или даже еще ближе он узнает родственников гражданина Савелия Октябрьева. Узнает — и сделает соответствующие выводы.

ИЗ ДНЕВНИКА ГРАЖДАНИНА САВЕЛИЯ ОКТЯБРЕВА

СЕГОДНЯ, будучи выходящим, читал жене вслух после обеда мемуары помещика Андрея Волотова, изданные «Академией» (люблю уютные книжечки!). И невольно стало грустно на душе... Ведь было же время, когда люди не знали никаких темпов, никакой стройки не могли по три дня пировать на свадьбе. По три дня! А тут, — если нужно бывает прогулять полдня из-за женских именин, так приходится заранее перед всеми сослуживцами какую-нибудь идиотскую мигрень или анеризму разыгрывать. Хорошо еще, что я ответственный, — а другим каково? (Кстати, не забыть завтра поговорить в местком о счетоводе Кругликове: вчера опять опоздал на пять минут и назвал меня оппортунистом. Пусть взреют!).

Казалось бы, что нужно человеку? Поест, попить, поспать, с женой побаловаться, книжечкой поразвлечься, в покерок перекинуться — и все! А приходится волей-неволей разбираться в разных вопросах идеологического порядка. Дело — трудное и тонкое, а без этого не проживешь: должность у меня как-никак ответственная, ближайшее начальство партийное, а кроме того, я еще имею некоторое пристрастие к литературе, ну, как же тут без идеологии? Без идеологии теперь даже на папиросы не заработаешь, а мы с женой привыкли все-таки жить по-человечески.

Ну, ничего, Савелий! Главное — держать нос по ветру, а остальное приложится!

Должен сознаться, что у меня все-таки есть какой-то особенный ангел-хранитель, который меня оберегает (жена в этом смысле — права!). Взять, к примеру, хотя бы такой случай.

По своей склонности к литературе пошел я в московский Дом печати на диспут: «Пропал фальсификат». Интересный был диспут, многие мои знакомые выступали, говорили о важности самокритики, критиковали во-всю нашу печать, и такие фразочки откалывали, что небу было жарко. Давно уже я так вольготно себя не чувствовал. И вдруг — стало меня поднимать тоже выступить. Хотел я поблагодарить устроителей и предложить им организовать в будущем целый цикл дискуссий о пропажах: «Пропала газета», «Пропал журнал», «Все пропало» и т. д. Я уже совсем приготовился идти на сцену, как вдруг почувствовал некоторую пустоту в желудке, и какая-то незримая сила потянула меня в буфет. Когда же я вышел из буфета, диспут был уже окончен.

Лишь много времени спустя, узнавши из газет, что этот диспут расце-

В ГОСТЯХ У БАНКИРА

— Я ознакомился с вашей программой, мистер Троцкий, и убедился, что я уже давно троцкист!..

нивается, как вылазка троцкистского охвостья и беспартийного мещанства, я понял, какою чудесною пристанью оказался для меня буфет Дома печати: он буквально сберег мне репутацию. Категорически отмежевываясь от всех выступавших на диспуте друзей, я гордо смотрю всем в глаза. Единственно, в чем меня могут упрекнуть теперь, это в том, что я не дал должного отпора тем, от кого отмежевывался. Но ведь на диспуте были и партийцы, — они тоже не дали отпора. Не обязан же я быть партийнее партийцев. Хотя, конечно, знаю я, что дело так повернется, я обязательно дал бы отпор. Кому же не лестно прочесть в газете:

«Одним из давших достойную отповедь недостойным вылазкам оказался Савелий Октябрьев (беспартийный!)...»

Но разве можно все предугадать заранее?

В прошлом году, например, я думал при помощи некоторых моих партийных друзей сделаться кандидатом в партию. Но — человек предполагает, а бог располагает, — вскоре мои партдрузья стали не менее беспартийными, чем я. Гора, так сказать,

пришла к Магомету, — и вопрос отпал. Может быть, для меня это и к лучшему: лучше быть беспартийным, чем стать беспартийным.

По совету одного знакомого читал на сон грядущий философию Канта. Любопытно! Хотя, признаюсь, до сих пор я не могу решить окончательно — является ли камень, находящийся у меня в печени «вещью в себе» или вещью во мне? Надо при случае этот вопрос выяснить.

Нынче я зван на рождение к одному партийному приятелю. Будут домашняя наливка, пирог с вязигой и пр., но я не решаюсь пойти. Мне что-то кажется, что придется нам с женой от этого приятеля отмежеваться: он уже был однажды замешан в троцкизме. В моей записной книжке он значится, как сомнительный. И вообще в своей частной жизни я решил с некоторых пор придерживаться лозунга тов. Стэна: «Сомневайся во всем».

Вчера усиленно ознакомился с литературой о гнилом либерализме, чтобы при случае не попасть впросак.

К. Ротов

Просмотрел труды Слуцкого, Волосевича и др. — и, признаюсь, не понял, за что их так усиленно ругают?

При чтении статьи Слуцкого у меня невольно возник вопрос. Автор ведь не нашел официальной бумажки о борьбе Ленина с центризмом Ну, а разве можно молодому объективному ученому писать историю без официальной справки, пронумерованной, прошнурованной и за соответствующим исходящим номером? Конечно, нет!

С тов. Волосевичем я абсолютно незнаком и тем не менее считаю, что его, как и тов. Слуцкого, критикуют чересчур жестоко.

Я лично сразу понял, что вся его ошибка — результат простой усталости и недосмотра. Очевидно, обычно тов. Волосевич работал так: брал книгу тов. Ленина и начинал критиковать по ней книгу Каутского. Но однажды, вероятно по рассеянности (с молодыми учеными это часто бывает!), он по ошибке перепутал книги: раскрыл книгу Каутского и начал по ней критиковать тов. Ленина. Ошибка — чисто механическая и ничего общего с партийной идеологией не имеющая. Я сам не раз ошибался подобным образом...

Нет! Хорошо, что в прошлом году я не сделался кандидатом в партию! Тут и без партбилета хлопот не оберешься!

Начинается!

Вчера на службе один гражданин упрекнул в гнилом либерализме. Нынче счетовод Кругликов снова при свидетелях назвал меня оппортунистом.

Стороной слышал, что где-то собираются проработывать одно из ранних моих литературных произведений...

Ничего, Савелий! Мы еще поборемся! Нападение — лучшая оборона: сегодня же напишу статью в нашу стенгазету, чтобы показать, что я в первых рядах борьбы с гнилым либерализмом у нас в учреждении. (Кругликову до сих пор не сделал ввнушения за опоздание, — не гнилой ли это либерализм? И еще фактики подберем!).

В «Вечерку» пошла письмо с требованием привлечь к общественному суду некоторых моих литературных друзей (цитаточки — подобраны и фразочки — записаны, не отпрутся!).

А там... там посмотрим!..

Жена достала где-то заграничные грампластинки. Зовет пить кофе и слушать. А у меня никакого аппетита нет.

Господи! Если бы можно было сразу заранее от всего отмежеваться!

Отбрал и к печати подготовил

Вас. Лебедев-Кумач.

Я КОФЕ пью, и предо мной — газета,
 Читаю я, — а на душе тоска!
 Глядишь кругом: за то, за се, за это
 Здесь — выговор, там — черная доска...
 Обруган грубо лучший мой приятель...
 И даже кофе стал мне неприятен!
 Огонорюсь: я не хваляю порока,
 Могу подчас и пожуричь и взгреть, —
 Но для чего так больно, так жестоко?
 Ведь человека надо пожалеть!

Вот, например... Монтер в нетрезвом виде
 Спал на мотор. Ну, — ладно — виноват!
 Ну, — в фабзавком монтера позовите,
 На вид поставьте, сивьете, что ль, оклад,
 Но для чего же гвать на профсоюз,
 Сивнать, судить — и подвергать конфуз?!

Конечно, я не против наказаний, —
 Монтера надо пожуричь и взгреть.
 Но можно бы помягче, погуманней, —
 Ведь человека надо пожалеть!

Еще пример. Заведующий складом
 Украл товар, подделавши печать.
 Ряд строгих мер принять, конечно, надо, —
 Нельзя молчать. Но для чего ж кричать?
 Не спорю, он — вредитель пятiletки,
 Но... у него семья: жена и детки.

Пожалуй, нет ужаснее порока,
 Чем воровство. И вора — надо взгреть.
 Но... на пять лет! Не слишком ли жестоко?
 Ведь человека надо пожалеть!

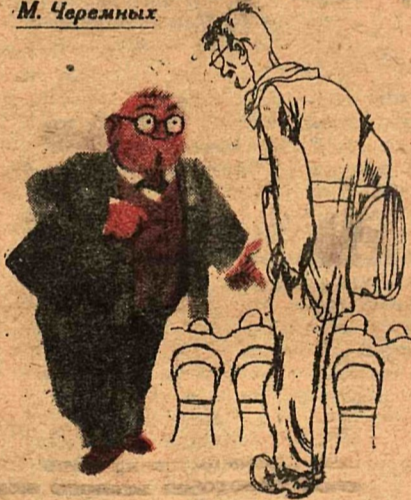
Приятель мой не вор и пьет немного, —
 Он просто скромный труженик пера.
 И вот его упорно и жестоко
 Газеты кроют виче и вчера.
 Он — старый мастер филигранной прозы,
 И в этой прозе — изругал колхозы.

Ну, — он ошибся... ну, — покрикуйте!..
 Но звать врагом, — ведь это обижать?!
 Дискуссию откройте, растолкуйте, —
 Ведь человека надо уважать!

Векун

ГНИЛОЙ ЛИБЕРАЛ В ДЕЙСТВИИ

М. Черемных

НА СОБРАНИИ

— Безобразия! Три раза порывался просить слова — и три раза не мог из-за шума! А потом — прекратили запись.

ДОМА

— Нет, Верушенька, я еще не так глуп, чтобы выступать по такому вопросу. Меня не поймашь!

В УЧРЕЖДЕНИИ

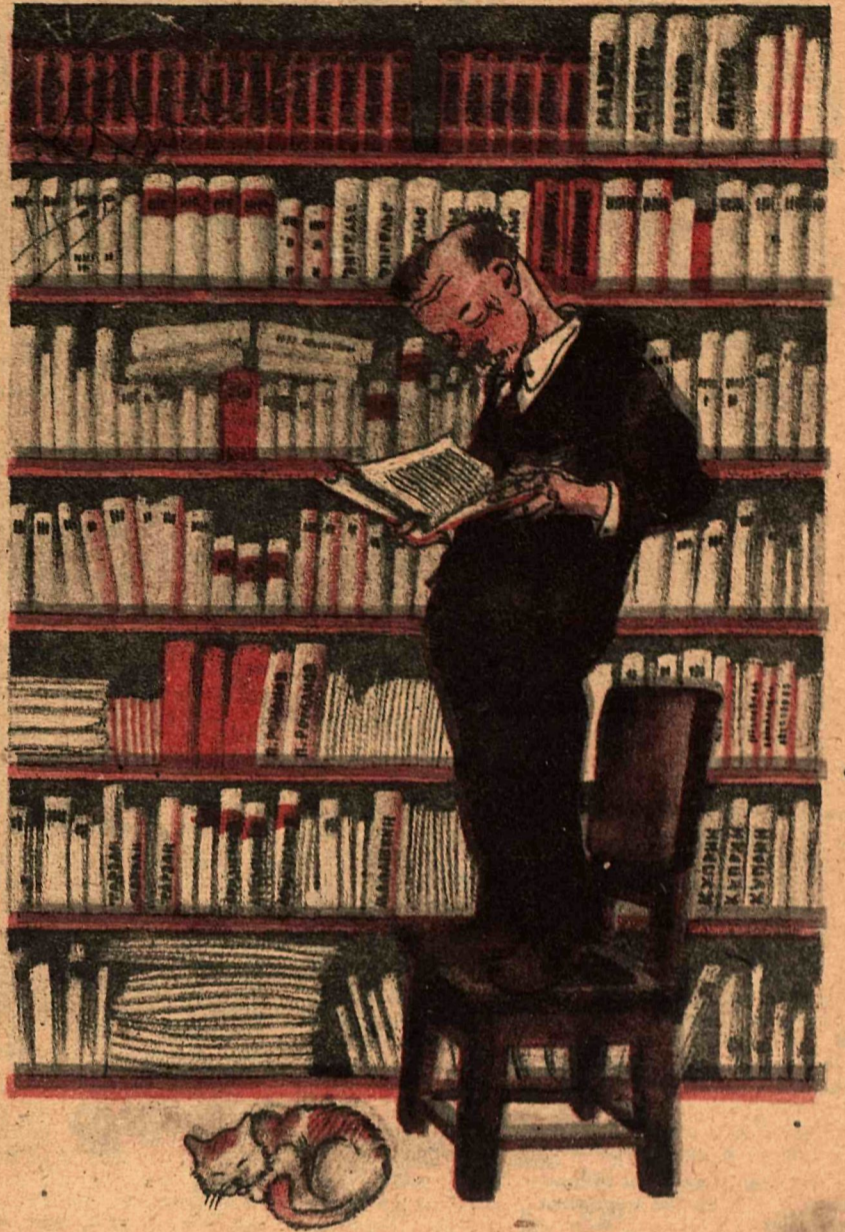
— Заявляю вам при всех, что с сегодняшнего дня я ничего общего с вами не имею! Мы ведем решительную борьбу с гнилыми либералами вашего типа!

ДОМА

— Ты же понимаешь, милый... иначе я не мог. Дружба — дружбой, а служба — службой. Только все-таки ходи ко мне с заднего хода...

М. Храпковский

— Меня обвиняют в уклонах от ленинизма. Да я, откровенно говоря, ни одного тома Ленина не удосужился прочесть.

МЫСЛИ В СЛУХ

Троцкистские истерики с большевистскими историками ничего общего не имеют.

★

Отмежуйся от троцкистских контрабандистов не на словах, а на деле.

★

Либерал, — как яблоко. Румяное — снаружи и гнилое — внутри.

★

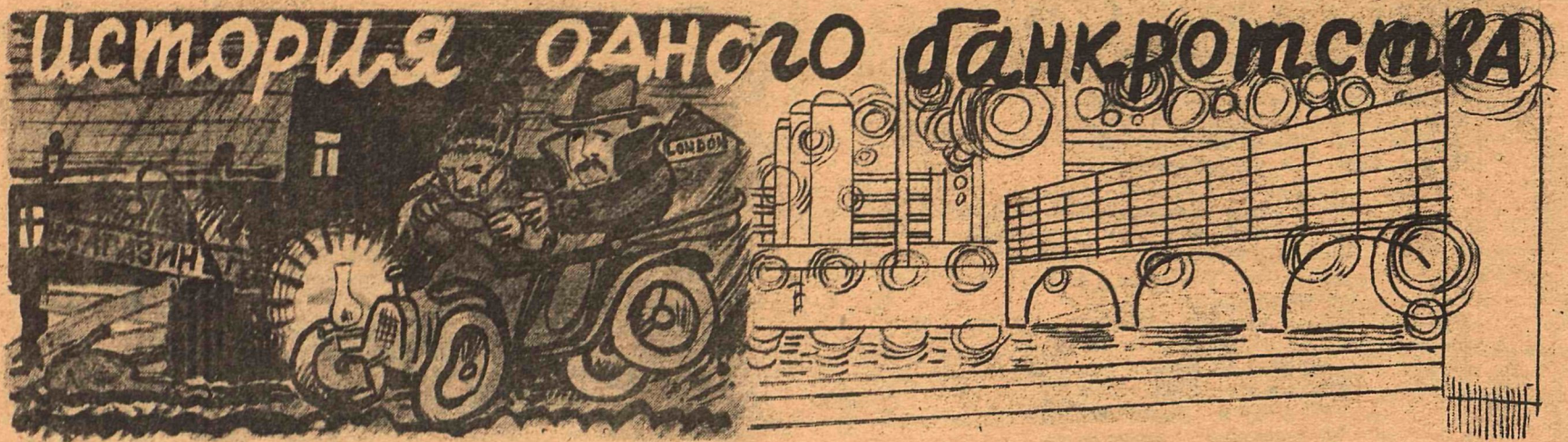
Фельетон в нашей прессе действительно пропал — но... буржуазный...

★

Контрабандисты переходят через одну границу. Троцкисты же перешли беззащитно все границы в обращении с историческими фактами.

★

И сведению гнилых либералов: если парень хорошо играет на скрипке, это еще далеко не значит, что он не оппортунист.

Фельетон И. Малеева

Рисунки К. Ротова

Неудачливый пророк, обманувший потомков, достоин осмеяния.

(Вальтер «Сократ»).

ГЕРБЕРТ УЭЛЛС — писатель с мировым именем, автор 30 романов, из заголовков которых в одном журнале умудрились составить занимательную новеллу; Герберт Уэллс — почетный член академий — посетил десять лет назад Страну советов и, вернувшись к себе на родину, издал книжку «Россия во мгле».

Октябрьским вечером, пасмурным и дождливым, приехал он в Петроград. Автомобиль за недостатком бензина работал на «русской горюхой»; как пьяный, он переваливался с ухаба на ухаб, медленно вололосась по торцовой мостовой, разобранной в иных местах на топливо. Когда же автомобиль свернул на Невский, когда писатель с мировым именем увидел, что витрины магазинов заколочены досками, что фонари горят не все, а с интервалами, в мозгу его созрел нелепый заголовок для первой главы: «Гибнущий Петроград».

На следующее утро дворник частного дома, в котором остановился Уэллс, предложил гостю прописаться, вручив ему на сей предмет анкету. Уэллс заполнил ее с отменной тщательностью. В графе «партийность» он написал — фабианец. Вероятно, дворник сказал своей жене: «А новый-то жилец — партийный», но ему невдомек, что это за партия, которую представляет «гражданин Уэллс Герберт» (без отчества), как было записано в книгах 18-го района милиции.

Если королевство Монако или Люксембург — самые маленькие среди государств, то «общество фабианцев» — самая маленькая в мире политическая партия. В ней около 150 членов. Собирается интимная эта партия в гостиных своего клуба. Здесь, под голубыми абажурами, доказывается каждый вечер, что капитализм врастает в социализм, что классовая борьба вредит интересам рабочих, что реформистская доктрина «муниципального социализма» восторжествует во всем мире. Уже сорок с лишним лет фабианцы пытаются опровергнуть марксову теорию. Все они — ужасные «марксоеды». Фабианец со стажем не переносит даже упоминания о великом учителе пролетариата и ненависть к нему свободная от узилищ разума, носит поистине зоологический характер.

Герберт Уэллс в этом смысле вполне ортодоксальный член своей партии:

«Я должен признаться, что мой пассивный протест против Маркса превратился в России в активную ненависть. Повсюду, куда мы только ни ходили, мы видели статуи, бюсты, портреты Маркса. Два трети его лица скрыты бородой, — огромной, волнистой, торжественной бородой, которая, вероятно, причиняла своему хозяину не мало хлопот в повседневной жизни. Вездесущее присутствие в России бороды Маркса меня все более и более раздражало. Когда-нибудь я вооружусь бритвой и ножницами против «Капитала» и напишу книгу: «Обритие Карла Маркса»».

— Далась ему борода! — скажете вы, прочтя эти пошловатые строки. Но если б Уэллс набивался только в цирюльнички к Марксу. Нет, он громогласно осуждает Маркса за то, что последний «занимается такими нереальными фикциями, как буржуазия и пролетариат». Уэллс уверяет, что «при встрече с марксистами всегда ставил их втупик вопросами: могут ли они точно определить, кто такие пролетарии?»

И все это он пишет, побывав в стране пролетарской диктатуры в самых разгар классовых битв, побывав в стране, которая конспектом для своей будущей истории избрала «скучнейшие темы»: «Капитала».

Человеку с таким мировоззрением трудно было проникнуть вглубь происходящих у нас

событий. Он «преклонялся перед стойкостью большевиков», признавал, что большевики — «единственное в настоящее время возможное правительство», но эти снисходительные признания чередовал с сообщениями о том, что у композитора Глазунова на исходе нотная бумага, а у писателя Амфитеатрова нет чистого воротничка. На одной странице Уэллс дружески рекомендует интервентам: мол, будьте джентльменами, господа, будьте корректны, на другой — одобрительно отзываясь о советских школах, на третьей — рассказывает о том, как «рабочих приобщают к угонченному комфорту» (последнее — о домах отдыха). Почти все высказанное Уэллсом крайне поверхностно, и это качество, неприятное само по себе, отягчено самодовольством, фабианским снобизмом и навязчивой безапелляционностью.

— Но, — просит читатель, — стоит ли сейчас ворошить пожелтевшие страницы уэллсовской брошюры?

Стоит, и вот почему: отдельные главы этой книжки имеют для нас с вами глубоко современное значение. К числу таких мест нужно, прежде всего, отнести главу, в которой описано свидание писателя с В. И. Лениным. Названа она «Кремлевский мечтатель».

Встретившись с Ильичем, автор был, что называется, приятно разочарован. Он ожидал увидеть мрачного доктринера, а навстречу ему поднялся человек «с живой улыбкой на устах, милым лицом и лбом лорда Бальфура». Уэллс торопится с замечанием, характеризующим как его самого, так и круг читателей, к которым адресована эта книга:

«У Ленина — любимого вождя всего энергичного и сильного, что есть в России, — татарский тип лица; он, безусловно, не еврей».

Беседа вертелась вокруг двух главных тем: Уэллс все спрашивал: «Что, собственно, вы

делаете с Россией? Что вы стараетесь создать? Ильича же интересовало: «Почему вы ничего не делаете для социальной революции в Англии?» Тогда Уэллс повторил свой вопрос в новой форме: «А что вы сделали из социальной революции?» и т. д. В этой беседе Ленин изложил, между прочим, принятый тогда план электрификации. Вот как его комментирует Уэллс.

«Ленин, хотя и отрицает как правоверный марксист всякие «утопии», но, в конце концов, сам вдался в электрическую утопию. Он всеми силами поддерживает план организации в России гигантских электрических станций, которые должны обслуживать целые области светом, водой и двигательной силой. Можно ли вообразить более смелый проект в обширной, плоской стране, с бесконечными лесами и неграмотными мужиками, с ничтожным развитием техники и с умирающей промышленностью и торговлей? Такого рода электрификация существует уже в Голландии, говорили о ней и в Англии, и весьма возможно, что в этих густо населенных и промышленно развитых странах она увенчается успехом. Но вообразить себе применение ее в России можно лишь с помощью очень богатой фантазии. Я ничего подобного представить себе не могу».

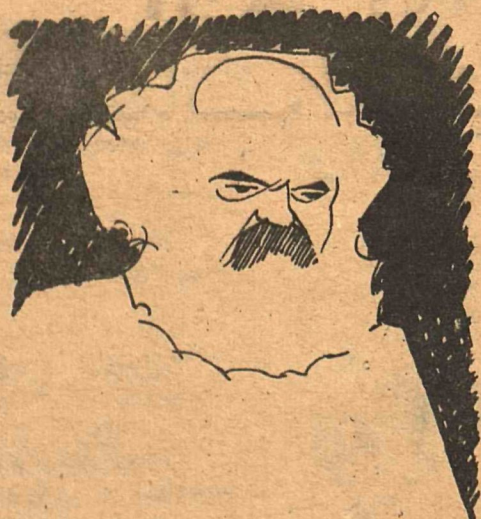
Еще в прошлом году мы скромно отмечали выполнение десятилетнего плана ГОЭЛРО, того самого плана, который, по словам Уэллса, мог быть составлен только утопистом и безнадёжным фантазером. Гигантские электростанции обслуживают «целые области светом, водой и двигательной энергией». Через несколько месяцев будет пущена станция на Днестре, которую мы так привыкли называть «Днепростроем», на Свири, в Челябинске, Иваново и Нижнем. Все это только звено «умирающей промышленности», в соседстве с ним — Магнитострой, Кузнецкие домы, нефтяные вышки Баку, механизированные шахты, тракторные и автомобильные гиганты, химкомбинаты. Заодно напомним о «неграмотных мужиках». По мысли Уэллса, они «должны превратить Россию в человеческое болото без всякого внутреннего единства, с постоянной гражданской войной». Вероятно, Уэллс не рискнул бы на это пророчество, если бы ему сообщили заранее, что в 1931 году удельный вес социалистического сектора в сельском хозяйстве достигает 60 проц.

История посмеялась над Гербертом Уэллсом. «Смех истории заразителен для миллионов людей» (Гейне). А главное, — жаловаться на нее никому... Для Уэллса это к тому же и творческий провал, кризис «творческого метода». Уэллс — утопист; в своих романах ему случилось забираться на Марс, на луну, блуждать в грядущих тысячелетиях, и все эти тридцать томов полны гипотез, догадок и пророчеств. Уэллс выдал много векселей истории, но все они долгосрочные; платеж — через две-три тысячи лет. Только однажды он подписал свое имя на векселе, срок которого истек через десятилетие. Мы говорим о книжке «Россия во мгле». История опротестовала этот вексель. Уэллс оказался банкротом.

... Вечером, вернувшись из Кремля к себе в гостиницу, писатель с мировым именем рассеянно слушал рассказ старого дакея о былом величии дома, и о Карузо, который пел здесь перед блестящей аудиторией об устрицах и фазанах. Он размышлял о будущем России: «Если мы, люди Запада, не придем ей на помощь, страна погибнет окончательно: опустевшие города превратятся в развалины, и железные дороги будут ржаветь в бездействии».

Еще раз мысленно обрив ненавистную бороду Маркса, «человек Запада» послал купить себе билет на Стокгольмский пароход...

И. Малеев

... Когда-нибудь я вооружусь бритвой и напишу книгу «Обритие Карла Маркса».

Митя Кулдаров и его дядя

Фельетон Г. Рыкина

... **МИТЯ** КУЛДАРОВ, возбужденный, взъерошенный, влетел в квартиру своих родителей и быстро заходил по всем комнатам...

— Откуда ты? — удивились родители. — Что с тобой?

— Ох, не спрашивайте! Я никак не ожидал! Нет, я никак не ожидал! Это... Это даже невероятно!

Митя захохотал и сел в кресло, будучи не в силах удержаться на ногах от счастья...

— Это я от радости, мамаша! Ведь теперь меня знает вся Россия! Вся! Раньше только вы одни знали, что на этом свете существует коллежский регистратор Дмитрий Кулдаров, а теперь вся Россия знает об этом! Мамаша! О, господи!..

Ю. Гамф

— Да что такое случилось? Говори толком!

— Вы живете, как дикие звери, газет не читаете, не обращаете никакого внимания на гласность... Ведь только про знаменитых людей в газетах печатают, а тут взяли да про меня напечатали!

— Что ты? Где?

Папаша побледнел. Мамаша взглянула на образ и перекрестилась...

Эта веселая сценка взята нами из чеховского рассказа „Радость“. Все радуются — и Митя, и папаша, и мамаша. Подумать только — такой маленький человек и вдруг попал в печать!

Дальше из того же рассказа мы узнаем, почему о скромном коллежском регистраторе Мите Кулдарове „заговорили“ газеты:

„Папаша кашлянул и начал читать:

„29 декабря, в одиннадцать часов вечера, коллежский регистратор Дмитрий Кулдаров...“

— Видите, видите? Дальше!

... Коллежский регистратор Дмитрий Кулдаров, выходя из квартиры, что на Малой Бронной, в доме Козихина, и, находясь в нетрезвом состоянии...

— Это я с Семеном Петровичем... Все до тонкостей описано! Продолжайте! Дальше! Слушайте!

... и, находясь в нетрезвом состоянии, поскользнулся и упал под лошадь стоявшего здесь извозчика. Испуганная лошадь, перешагнув через Кулдарова и протащив через него сани...

И так далее — все до тонкостей. Разные бывают люди, и всякие бывают радости.

Разные бывают и времена. Но Мити Кулдаровы, — правда, другой окраски и иного покроя, — все еще встречаются на нашем пути.

Теперь Митя Кулдаров в историю полез. Тиснет где-нибудь статеечку или даже книжку сварганит. Грош цена статеечке и полгроша книжице. Да и стоимость самого автора, даже по „коммерческим“ ценам, не высокая.

Но потихоньку этак, контрабандой, протащит он свое „произведение“, свои поганенькие мыслишки, всякую контрреволюционную ерунду на троцкистском масле.

Глядишь, о Кулдарове начинают газеты писать не потому, что Кулдаров такая важная и интересная персона. Клоп, к примеру, тоже маленькая личность. Но в интересах санитарии и гигиены мы боремся против этой мелюзги.

В интересах чистоты нашей идеологии, желая пресечь попытки извращения большевистской истории, желая мобилизовать массы к партийной бдительности, мы разоблачаем Кулдаровых, мы изгоняем этих контрабандных коллежских регистраторов из наших рядов...

Так теперешний Митя Кулдаров „попадает в печать“. Думаем, что в данном случае для этой „знаменитости“ никакой радости нет...

Чеховский Митя — дурак.

Современный Кулдаров — не дурак. Он только валяет дурака. После того как сей историк влип в историю, он вдруг начинает играть роль захудалого провинциального адвоката.

Вы помните, этот унылый, ныне исчезнувший тип? В прошлом он был неотъемлемой принадлежностью „городского благоустройства“: городской козел, болото на базарной площади и „аблакат“.

Брался этот защитник „угнетенных и оскорбленных“ за всякие грязные дела. При чем для защиты был им облюбован простой, но очень ходкий

встарину прием: превращать своего подзащитного в идиота. Сидит, бывало, на скамье подсудимых уголовный субъект из породы рецидивистов. Рожа хитрая, противная, в глазах — злые и лукавые огоньки.

Защитник становится в позу и торжественно, с надрывом говорит:

— Господа судьи! Обратите ваше внимание на подсудимого. Разве он понимает, что творит? Это же идиот!..

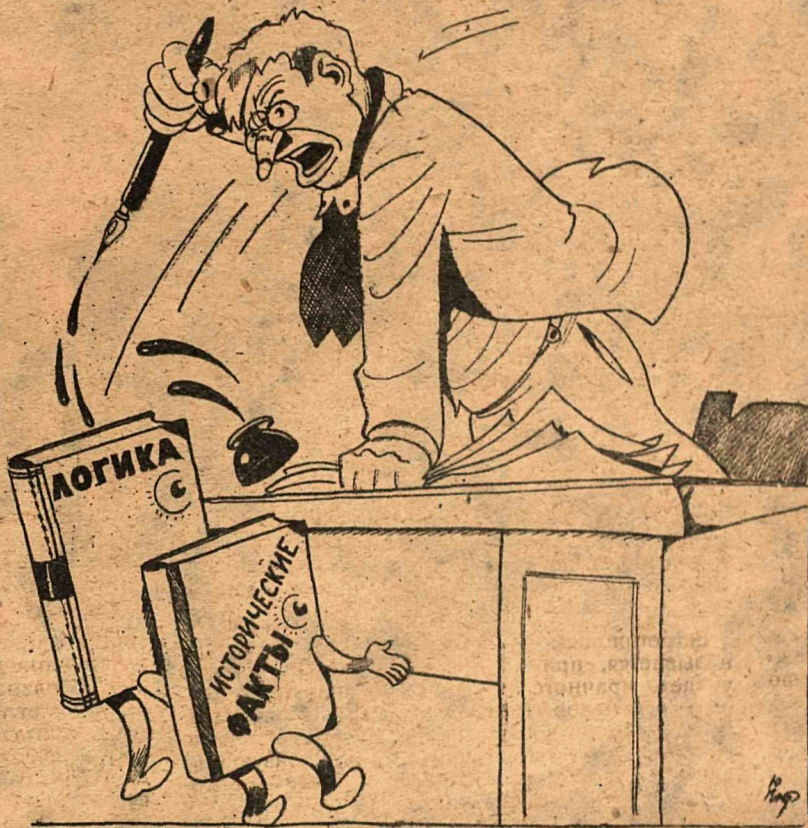
Кулдаров прибегает часто к такому приему. При чем он — один в двух лицах. И подсудимый и „аблакат“.

— Обратите на меня внимание! Разве я действовал сознательно? Разве я троцкист? Я — идиот!

Не верьте ему! Мы знаем, откуда он пришел и по чьей указке водил пером по бумаге.

Контрабандист знал свое дело... „Но сколько бы веревочке не виться, а конца не миновать.“

Кулдаров, наступил конец вашей „истории“!

ТРОЦКИСТСКАЯ „ОБЪЕКТИВНОСТЬ“

— Убирайтесь! Не мешайте мне писать историю партии!..

На-днях я встретил на улице дядюшку Мити Кулдарова.

Такой милый, добрый дядюшка. Ну, прямо, точь в точь как тетюшка! Он мухи не обидит.

— Летает мушка, — пусть себе летает. Напачкает мушка, — пусть пачкает. А ежели она ко мне в сметану попадет, — бережно выну, обсосу и пушу на волю.

Не человек, а вегетарианец.

Одолжил я как-то у него пятерку. Вот теперь при встрече решил ему отдать долг. А пятерка у меня была прескверная — рваная, заплатанная, отдельные куски висели, как лохмотья, а там, где номер, — сплошная дырка.

Посмотрел митин дядюшка на эту валюту и говорит:

— Не возьму.

— Почему?

— Чего ты мне суешь такую дрянь? Что я, слепой? Обмануть хотел?

— Эх, ты, гнилой либерал! — ответил я ему. — Обмануть тебя, митин дядя, я не хотел. Есть у меня другая, хорошая пятерка. А только испытать тебя хотел, насколько ты бдителен в личных делах и какой ты растяпа и либерал, когда затрагиваются кровные интересы большевизма. Ты — редактор журнала и как таковой печатаешь всякую дрянь кулдаровых. Почему в редакции ты слепой, а вот здесь со мной такой зрячий? Почему там-то ты не можешь разглядеть идеологические заплатки и дырки? Обидеть не можешь таких милых авторов, добрая ты душа?

Митин дядя, забыв свое правило, что нельзя обижать людей, повернулся ко мне спиной и, не прощаясь, засеменял по улице в своих глубоких жалобах.

Г. Рыкин.

ЗООЛОГИЧЕ
Зарисовки

Кенгуру м
на ро дна

Кобра ин
скал.

ХОЧУ
ВЛАСТИ!

Зубр фаши

Североа
канский

ПЕРЕД СОБРАНИЕМ ЯЧЕЙКИ
РАЗОБЛАЧЕННЫЙ „ИСТОРИК“:—Ф-фу... Запарился! Целую ночь ищу,—и хоть бы одна цитата в мое оправдание!

Эскиз с натуры

(Набросок тушью)

КРАСНОБАЙ - ТЕОРЕТИК
довольно протухший

В ВЯДАХ людей,
в желонных цифр
страны грохочет
сердце.
Но есть
такие молодцы,
что к нашим дням
соседаются.
Они — нули
в балансе масс,
их выводок
не густ
(ли на секунду
слово «Маркс»
не сходит
с ихних уст).
Какой бы вопрос —
о починке телеги ли,
или о покупке корыта, —
он обязательно
вспомнит о Гегеле,
или ввернет
Гераклита.
Заучив слова
нетвердо,
приводит
глоткой гул.

Он сиде
в двадцать четвертом
кулака бы
ликвидирул.
В пафосе
авангарррдных фррраз
с встрррады
бомбарррдиррует голосом
сорванным:
«Коллективизировать —
так враз!»
«Распределять —
так поровну!»
Кулацкое сердце
очень радо.
Кулаку по душе
пустозвонный оратор.
Пустозвон,
на заводе, ероша волосы,
приказами
так и кроет,
орет
революционерным голосом:
— Чтоб завтра мне
были герои.
В вузе,
он с энтузнамом

врет с уаьбкой
на устах:
То у Энгельса
нелепо,
то у Ленина
не так.
Очень довольны
кулацкие братяки:
— Дверь заколочена —
есть дыра:
не пускают
с парадного хода
практики, —
заходи
с теоретического двора.
Кулаком
из видов этих
прибран к ручкам
«теоретик».
Пуццей
легким метеором
рякошетить
по теориям.
И просвещая
сидящих на парте,
Он фразами
ярче, чем в перьях индеец, —
подчищает под Троцкого
историю партии,

в грядущем на этом
заработать надеясь.
Но улавке кулака
он речами
так и нежится, —
чтобы партии река
рассосалась
по теченьицам.
Вот так растут
троцковатые
цуцки,
вроде как
раскулаченный Слуцкий.
Розоватыи
трепаясь флагом,
под прикрытьем
словотреска,
путаются в ногах
у шага
Магнитостроя и Кузнецка.
★
Читатель!
Коль встретится тебе пустозвон,
любющий словесными нектарами, —
выгляни, —
не похож ли на этого дон
своими чертами некоторыми?
С. Нирсанов.

Джунгли и Нелто, или как пишутся предисловия

СКИЙ САА
Евгана

(Пародия)

ПРЕДЛАГАЕМАЯ вниманию читателей повесть „В застенках любви“, мне кажется, едва ли может быть включена в число произведений, созвучных нашей, мне кажется, столь бурной и плодотворной эпохи.

Тем не менее, она любопытна как образец творческой практики автора, не овладевшего, мне лично кажется, диалектическим методом.

Поэтому крайне поучительным и небезынтересным будет, мне кажется, наше знакомство с ошибками и недостатками, в немалом количестве встречающимися, мне кажется, в повести.

Будучи человеком аполитичным, автор, тем не менее, умеет видеть тончайшие, мне кажется, изгибы душевных переживаний героев, предлагаемой вниманию читателей повести, и ту очаровательную борьбу, окрашенную в сексуальные тона, которые так характерны для новелл, мне лично кажется, эпохи Возрождения.

Конечно, было бы, мне кажется, излишним с нашей стороны требовать от автора правильного анализа событий и человеческих поступков, тем не менее, в мотивировках автора, хотя и не точных, мы видим, пусть не совсем удачные, пусть крайне наивные, но тем не менее, мне лично кажется, искренние попытки овладеть творческим методом.

Кажется, Бюффон сказал: „Любовь познается в непознаваемом“. К сожалению, это тонкое изречение не применимо к автору. Идеалистический метод мешает ему видеть вещи в их, мне кажется, настоящем свете.

Я вполне убежден, что для многих читателей не совсем будет ясна та ситуация, в которую поставил автор своих героев. Это бесспорно.

Но, конечно, верно и то, что автор, ставя героев в то или иное положение, преследовал, мне кажется, весьма благие намерения.

И если ему это, может быть, не совсем удалось, то вина, по-моему, лежит не на нем, а на объективно социально-экономических и эстетических предпосылках, столь характерных для этой эпохи.

Разумеется, я не претендую на исчерпывающую полноту анализа художественной и социальной значимости данной повести.

Как я уже сказал, она не лишена достоинств, хотя с другой стороны имеет ошибки и недостатки, над которыми, к сожалению, не превалярует первое качество.

Тем не менее, повесть должна быть признана, мне лично кажется, весьма ценным вкладом в сокровищницу нашей художественной литературы.

Я полагаю, что вдумчивый читатель сумеет сам разобраться в предлагаемой его вниманию повести и сделать соответствующие выводы.

Александр Архангельский.

А. Топиков

ДЛЯ МИЛЛИОНОВ ЛЕНИН — ЗНАМЯ, ДЛЯ НЕГО — ОН ТОЛЬКО ЦИТИ!

Л. Генч

ОБ ОТВЕТСТВЕННОЙ БЕЗОТВЕТСТВЕННОСТИ

1. — Что, статья? Я занят. Отнесите заместителю. Пусть посмотрит...

2. — У кого она была? У редактора? Читать нечего. Я поставлю визу, а вы дайте еще на всякий случай члену коллегии...

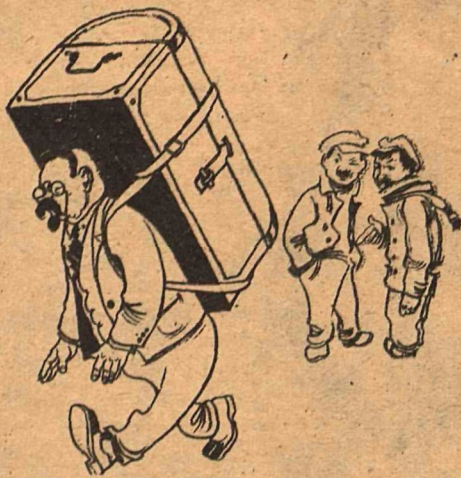
3. — Вива вама? Вполне достаточно. Сдавайте в набор, а потом покажете мне гранку...

4. — Кто пропустил эту дрянь? Сейчас же выясните виновных для привлечения к ответственности! (См. отри сначала).

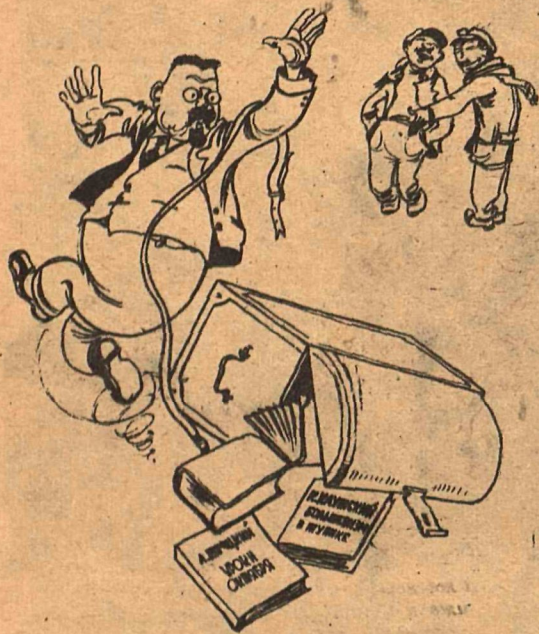
О добрых редакторах, своенравных авторах и ни в чем неповинных читателях

Рисунки К. Елисеева

1. Однако какой солидный багаж у этого историка...

(См. ниже).

2.

ЧИТАЯ...

«Киногазету» № 57, мы натолкнулись на довольно странную «кинокартинку»:

На первой странице читаем:

На первом месте по браку стоит Арменкино, давшее за три квартала 35 проц. брака при выпуске 8 полнометражных и 12 короткометражных фильм.

А из заметки на странице 4-й, того же номера, читатель узнает, что:

В день советизации Армении ЦИК Армении преподнес Арменкино за выполнение и перевыполнение промплана зная труда.

В связи с этим председатель правления Союзкино тов. Шумяцкий отправил Арменкино поздравительную телеграмму.

В первую очередь следовало бы поздравить редакцию «Киногазеты» с блестящей постановкой информации.

ДОБРЫЙ ЧЕЛОВЕК — это еще не профессия. И доброта, слепая, как щенок, аполитичная доброта — это очень большое зло.

Услужливый добряк — опаснее врага. А враг классовый, замаскированный, «первооружившийся» враг — первейший друг дома у доброго человека.

Как известно, «друзья дома» хорошо обживаются у ласковых хозяев, так хорошо они обживаются, что под конец сами хозяева затрудняются определить: кто у кого в гостях?

Эти гости — своенравные авторы.

Одни из них приладились и служат не за страх, а за деньги в официантах у революции; другие сидят залезшими тараканами в гупичках и переулках нашей страны, ждут — не обмельчает ли революция и не удастся ли им перешагнуть эту самую революцию вброд? Третьи — дружески подмигивают зарубежному врагу: вот-де у вас — да! А вот-де у нас — нет. Четвертые...

...Разные жанры у своенравных авторов.

И разных жанров у нас добрые редактора.

Вот — редактор Степка-Растрепка. Вот — политрассеянный, он впопыхах примет авторское утверждение, что меньшевик — это почти что большевик, но только объемом поменьше. Вот — редактор формалист. Вот — торопливый редактор, которому только бы сдать побольше листажки, заполнить чем-нибудь пустое место, а там — подписано в печать — и с плеч долой.

Вот — редактор-лирик. У него при чтении стихов о природе глаза туманятся слезой. Он, редактор, всхлипывает над чувствительной рифмой, и где уж до смысла добраться ему, редактору-лирику?

Редактор-формалист сурово взглянет поверх очков на пришельца:

— Это что у вас такое?

— Это у меня, извиняюсь, рукопись!

— Гм... дайте-ка в руки. Гм... гм... Небось, килограмма два завесит?

— Что вы-с, что вы-с? И килограмма не будет!

— Небось, по старой орфографии написано?

— Как можно-с. Что вы-с. По самой новейшей!

— Н-да-а... А где у вас «пролетарии всех стран»? Небось, не проставили.

— Как можно-с! Проставил, есть.

— То-то же, — бурчит формалист, еще раз срыв пришельца суровым взглядом.

Потом уж из журнальных рецензий узнает формалист-редактор, что собственно им было принято и пушено к изданию.

— Как же это я так опростоволосился? — недоумевает он. — Я ли не строг. Кто ж тогда строг, если я не строг? И вот, извольте ли видеть, какой-то Кулак изволил протаскивать утверждение, что «политика выперла на первое место, а литература уж и места нет». Кто этот Кулак? Ах, да-да, это тот самый пришелец, который на два килограмма рукописей принес. Ведь, кажется, как был с человеком строг!

Другой, неряшливый редактор не носит очков. Взгляда его блуждает. Пальцы судорожно ищут завалившуюся рукопись. Он бормочет под нос:

— Да-да-да. Но почему именно «сумасшедший корабль»? Разве корабль может сойти с ума? Откуда у корабля это человеческое свойство?

— Нюоткуда. Это я о Носовом ковчеге, — возражает автор. — По библейскому преданию.

— Ах, по библейскому? — успокаивается редактор. — Но это другое дело. А то сами рассудите: и диалектика, и материализм, и вдруг корабль, и вдруг сумасшедший. Но если по библейскому преданию, тогда... конечно!.. Пойдите, а где же ваша рукопись? Неужто я уже ее потерял? Нет, вот она!

И «Сумасшедший корабль» Ольги Форш, тоннажем в сто девяносто страниц, выплывает из «Издательства писателей в Ленинграде».

И потом уже неадачный редактор обнюхивает контрабанду, найденную рецензентами на «Корабле»:

... — Небось, по старой орфографии написано...

Когда поете «кто был ничем, тот СТАНЕТ всем» то уж не медлите — становитесь.

Почему у нас едва обнаружишь и таланты и охоту послужить стране, чем можешь, как страна загниет тебе счет уже на всю полную меру? Коли ты на луде игрец, то уж будь нам и жнец и швец. И смотри на все «сто процентов» не то мы тебя...

— Кто был ничем? На все сто процентов, — терзает свое оперение редактор, — а при чем здесь библия, я не понимаю?

Он не понимает, и никак не поймут другие добрые, рассеянные, неряшливые, политически беззаботные, как это при дневном свете им всучают всякую всячину, а они, зная, подписывают к печати.

Редактор-лирик принимает частушки а ля колхоз:

Как всех любимых, вечер похвальный

Сводил нас часто у ворот.

Я — комсомолец и колхозник,

Она — совсем наоборот.

Принимает и вскользь решает про себя: «Конечно, в прозе об этом как будто бы давать неудобно, ну, а в стихах... Стихи же все-таки».

Торопливый редактор, которому только бы сдать в набор побольше продукции, тот пропускает такое «индустриальное»:

Я снова простер ладони

К тебе, кудрявая степь.

Моторы железом холодным

Клюют твою ясное тело.

Беззаботный пишет косячком на обложке рукописи «Гугенот из Террберки» — в набор, а потом, покрывшись холодным потом, узнает из библиографии:

Идея произведения Правдухина заключается в том, что план — это бюрократизм, а страну строит стихия.

— А я-то думал, что это у него втакое, оперное? — омежевывается перетрусивший редактор, — помилуйте, Гугенот!

Четвертый редактор усновляет такое стиходетиче некоего поэта Бурового:

Сонет в лапах кризисных Европка,

Вызвала берега кризис хлопка.

Засвишел Свинхуд свиновато:

В кризисе берега виновата.

Франция в испуге васкакала

Нет из-за березыньки какао.

— Убили Европку, — потирает руки редактор, — одним махом на-нет свел!

Пятый редактор, между тем, огорченно задыхает:

— Дернула же меня нелегкая связаться с этим Клычковым, поэтом, вк, распялся!

Сопротивления современности у наших писателей теперь нет, или почти не осталось... Писатель обязан не только работать, но и лениваться.

— Тыфу, свяжись только!..

Шестой печально поддакнет:

— А вот у меня тез-кинкротик Туркальтауб свел всю историю эстетики к «вечным законам» «к проблеме любви и прекрасного», как будто классов и классовый борьбы никогда и на свете не бывало.

Седьмой добряк задохнет, восьмой всплакнет, девятый со стоном отмежует от залых авторов:

— Мы, дескать, не знали, что это вода на мельницу классового врага. И потом, повольте, разве классовый враг обязательно мельник?

— Нет уж, какие добрые, будьте так добры, не прибедайтесь. А подумали ли вы о миллионах читателей? Подумали ли вы о том, что всю эту гниль, всю эту контру, все это змеенное шипенье, искажение перспектив и оплошание нашей действительности, — все, что вы пропускаете, читают миллионы читателей. Подумали ли вы хоть раз о них, о читателях?

— О читателях? — ответят стройным хором все перечисленные жанры редакторов. — Но ведь это в нашу редакторскую обязанность как будто не входит. Мы имеем дело только с авторами.

Л. Митницкий

ПО ТРЕМ ГОРОДАМ

ПОЕХАТЬ просто —
На бумаге,
Но вдруг не вывезут слова.
Мы в путь направимся сперва
На старомодной колымаге.
В центральной части — город бравый.
Цветут улыбки на устах.
И на дворцах — орел двуглавый
И держиморды — на постах.
За жиром налитые туши —
За генералов и господ —
Ручьями пот, кровавый пот
Покорно льют холопы души.
За это в качестве оплаты
В распределении город строг:
Вельможам — пышные палаты,
А пролетарию — острог.
Жил Петербург с наружным блеском.
Огни! Движение кругом!
Дыханье Запада на Невском, —
Но под жандармским сапогом.
А на окраине бесправной —

Огромный выбор кабаков.
Таков снаружи и с боков
Санкт-Петербург самодержавный.
*
Эй трогай дальше, сивка-бурка!
Минуя тысячи преград,
На извозе из Петербурга
Переезжаем в Петроград.
С традиционной державой
Самодержавный геморрой...
Давно шататься начал ржавый
Романовский кровавый строй.
И вот пришел конец хоромам.
Вниз головой загрохотал
Вслед за прогнившим царским домом
К чертям собачьим — капитал.
*
Вновь продолжается поездка.
Бежит под шинами земля.
И новый вид очерчен резко:

Теперь — ударник у руля.
Мрак электричеством распорот.
На старом месте аккурат
Иной, ударный вырос город —
Индустриальный Ленинград.
Заводов четкие названия
Врагам не зря внушают власть.
Впервые соревнованье
У нас, милорды, началось.
Проклятый брак — наш враг извечный —
При хозрасчете гибнет враг.
Да, господа, впервые «встречный»
Цехами выдвинут у нас.
Ни шагу раньше без «дубины»,
Теперь «дубину» не поем.
Сегодня тракторы, турбины,
Станки и блюминги даем.
И недобитые банкиры
За рубежом скорбят не зря:
На месте «Северной пальмиры» —
Ударный город Октября!
В. Моголь.

„КРОКОДИЛ“ ЛЕНРАБНОРУ
ПРИНАЗ НАСТРОЧИЛ:
„ЗАМЕТОК ГОРУ
ГОИИ В „КРОКОДИЛ“!

ТЕСНОТА И ОБИДА

КОНЕЧНО, если б Данте писал свою «Божественную комедию» в наши дни, он отвел бы в одном из кругов ада место московскому трамвайному колдуну или ленинградскому трамваю.

В трампе (не путать с Трампом — театром рабочей молодежи) ежедневно в порядке самостоятельности разыгрываются далеко не божественные комедии. Теснота и обида царят в нем. И когда человек вылезет из трамвая и попадет в сутолоку улицы, он вздохнет, взглянет вокруг обалдевшими глазами, застегнет фланговыми пальто на последнюю неотворванную пуговицу и скажет:

— Ффу!.. Какой простор!

А мимо несется трамвай, где стоят, сидят, кричат, ругаются, косят, гвоздят, чешут, пушат, критикуют, разносят, хулят, обланяют друг друга и откомхоз и лентрамвай несчастные пассажиры.

На днях в трамвае случился разговор. Сначала кондукторша вспомнила детство:

— Хорошо быть девочкой пятилетней!

— Даром в трамвае ездить?

— Не в том штука. Ноги меньше, руки меньше, не давили бы меня так...

А тут сдвинулось несколько пассажиров:

— А, дьявол! И когда это упорядочат трамвай?

— А вот когда выполним обращение Совнаркома о городском хозяйстве... — сказала вдруг кондукторша. — А то все ругают, ругают трамвай, а сами виноваты...

— Это мы-то виноваты?! — ахнули пассажиры,

переступая с чужих на чужие мозоли. — Тем виноваты, что пешком не ходим?!
— Нет. А вот, например, та барашковая шапка Севкабеля...

— Ну и что? — хмуро отозвалась шапка. — Да не давите меня в грудь, я не резиновый!
— Просили мы у вас провода! А вы дали их? Нет, не дали. А на трамвай жалуетесь!..

— Мы не одни! — хмуро сказала шапка. — Вон этот гражданин с оборванным рукавом — директор «Электросилы». Он трамвайным подстанциям в энергия отказал...

— Что вы на меня, как на мертвого, валяете? — вспыхнул директор «Электросилы». — А вон ваш сосед, что коленом в чужой затылок уперся, с «Экономайзера». С него тоже спрашивайте!..

— «Экономайзер», «Экономайзер», — забубнили одно, а почему «Пролетарский» забыли? Он тоже ничего для трамвая не сделал...

«Пролетарский» протискивался к выходу и буркнул:

— Нашли козла! А вон отдел труда возьмите в работу. Ему заявку на 1-й квартал дали на 1.200 рабочих для лентрамвая, а он и районов для вербовки не выделил и кадрами не обеспечил...

Представитель отдела труда сжался, уткнул нос в воротник и молчал.

Через некоторое время, когда пассажиров прибавилось еще, — возобновились атаки на трамвай:

— Да уж этот трамвай!

— Кто в трамвае не бывал, тот и горя не видел...

АСПО открывает магазины в центре, а рабочие окраины опять обойдены.

М. Храповский

— Куда же вы этот ларек тащите?
— Поближе к центру — там очередь нет, работать приятнее!

— Чорт его задерн, этот трамвай!..
— Чтоб ему пусто было!
— Вот бы чудесно — пу-усто!..
— Ах, хорошо быть девочкой пятилетней! Возьмите копейку сдачи, гражданин!..
В. Тоболяков

На складе № 1 Союзтранса обнаружены сотчи тонн пшеницы, муки, табака и строительных материалов, которые валяются в течение нескольких лет.

П. Белянин

— С ума сошли! Столько товара заморозили.
— А он в холоде лучше сохранится до конца второй пятилетки.

ОПЫТНАЯ УСТАНОВОЧКА

СТАНЦИЯ Башмаково недалеко от Пензы. А недалеко от станции Башмаково прел на задворках крахмального завода заброшенный, отслуживший свой срок локомотивчик. На утиль его вести — себе дороже, стоило, так и ржавел «локомотивчик», никому ненужный.

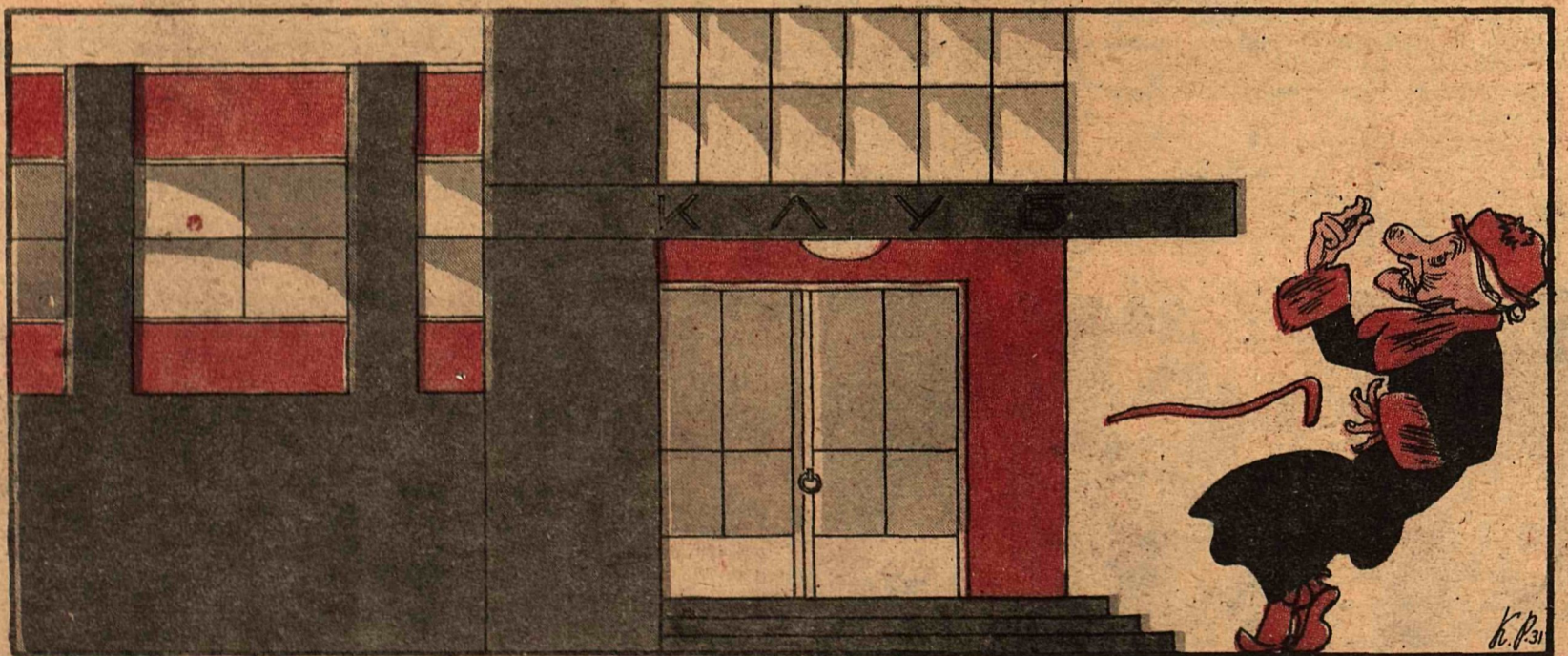
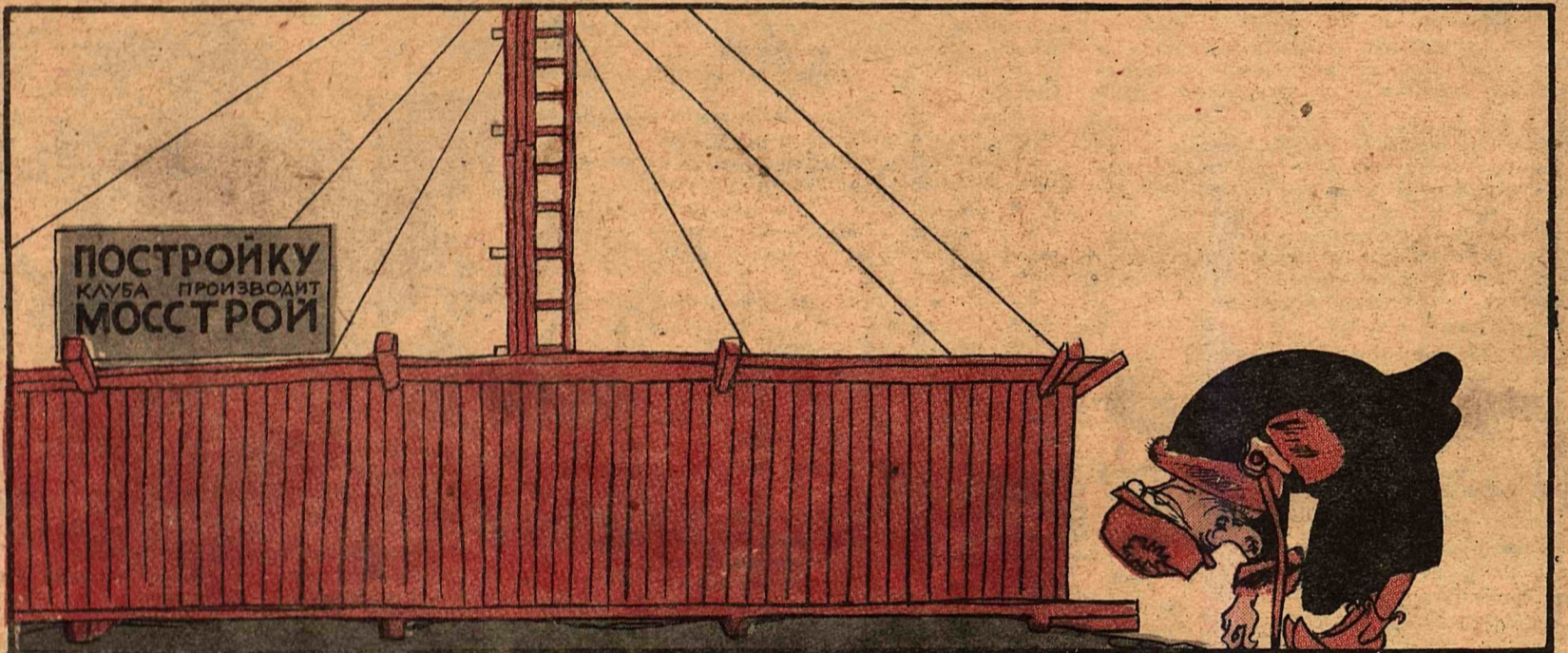
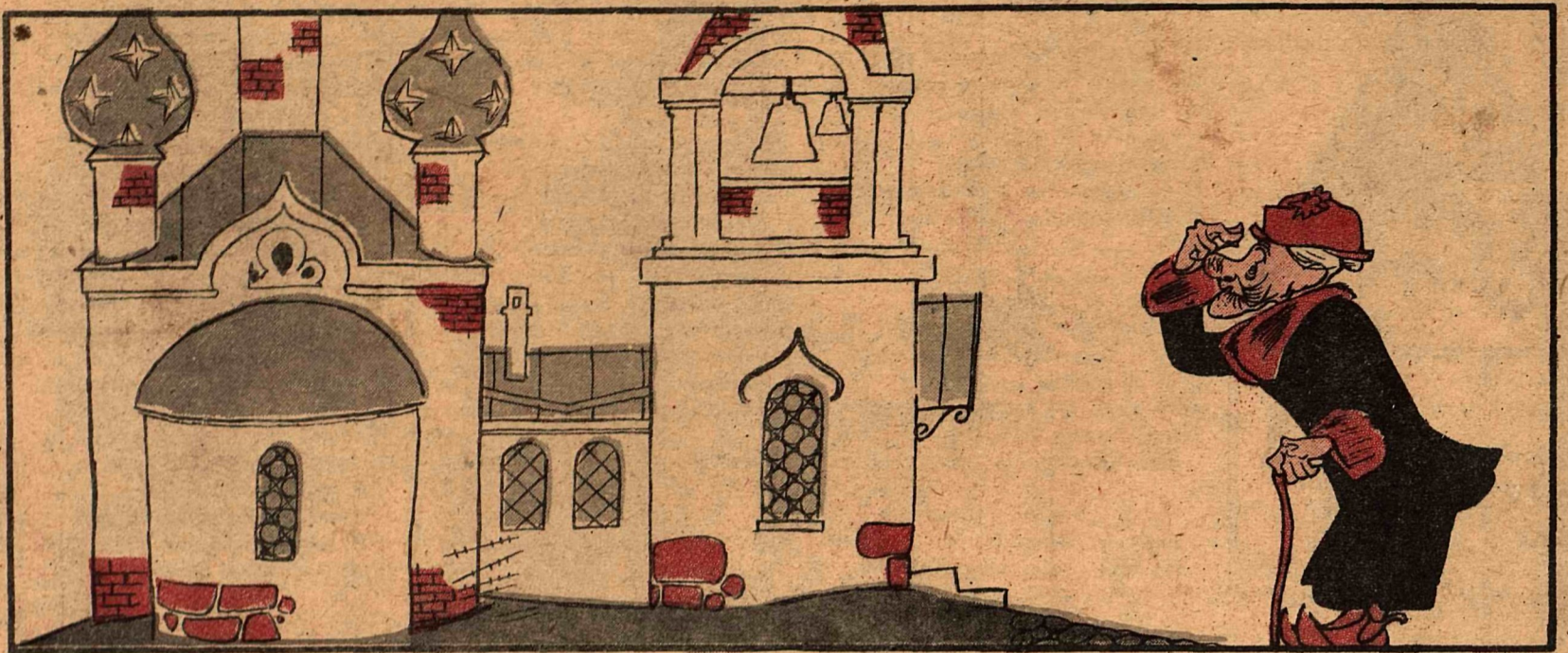
Но ничто в природе не пропадает. Не пропал и этот ветеран. В июле 1930 года «локомотивчик» вдруг попер. Да и как еще попер — не иначе, как прямо в Ленинград!

Попер «локомотивчик» в Ленинград не на своих колесах, конечно, — свои давно поотвалились, — а на железнодорожной платформе. Прет и прет и даже не разваливается. И допер в конечном итоге до города Ленина.

Потащили «локомотивчик» в Ленинградский научно-исследовательский лесопромышленный институт... Да, да! Куда ж иначе везти? Институт денег за локомотивчик поплачивал. Институт из Пензы его в Ленинград вез. Институту и «машинка» в руки. Другое, может, на такой «локомотивчик» наплевали бы, а Институт купил эту механику для... извините за научные выражения... для «опытной установки по экстрагированию канифоли из отбросов лесохимического производства»...

Во как дело поставлено! И локомотивчик — отброс и щепки — отброс, а тут на те — канифоль. Заканифольвайте на здоровье. И заканифольвали. Пять тысяч рублей на покупку негодного локомотивчика заканифольвали да тысячи две на доставку. Совсем даже пустяки. А что «локомотивчик» оказался по дряхлости и дряхлости непригоден не только к «экстрагированию», но и вообще к употреблению, — так это тоже пустяки. Опытная установка, — чего с нее и спрашивать!

Мих. Кудрявцев.

ТЕМПЫ И БАБУШКА

Фотомонтаж Б. Клинич

И. А. Ясенев задался весьма похвальной мыслью: написать брошюру „Школа на воздухе и работа ОДД по охране детского здоровья“. (Гос. Учпедгиз. 1931).

Сначала все шло благополучно... Брошюру Ясенев написал и даже неплохую, но...

В самый разгар работы в голову автора — убежденного прозаика с 1900 года — вползла, как подкожная змея, недобрая мысль — написать ребятам гигиеническое наставление «в рифмованной форме».

И. А. Ясенев поддался пагубному влечению и сотворил такие, хватающие за печеньку строфы:

Помни, что через физкультуру
Укрепишь ты свою натуру...

Лучи солнца нас лечат
Они же и калечат...

Во всяком случае, если и калечат, то меньше, чем Ясенев стихосложение. Дальше — лучше...

Пыль микробов разносит,
Ее мокрой тряпкой стирать наука
просит...

Клади скорее на воз,
Пока не скопился от скота навоз.
Так ты устроишь не только дух,
Но и мириады мух...

Основной перл стихосложения Ясенев приберет к концу:

Ночью спать полезно без кальсон,
От того спокойней, крепче будет сон.

Однажды Ясенев лег, очевидно, спать в кальсонах. И именно в эту бессонную ночь, которую он «провел недостаточно спокойно», автор начал писать стихи.

Редакторам, пропускающим подобные стишки, рекомендуем спать обязательно в кальсонах.

И. Амский.

Несмотря на категорические директивы об увеличении выработки зубных щеток, кустпромсоюз до сих пор еще только расквашивает.

Фотомонтаж Б. Клинич

СЛАДКИЙ СОН КУСТПРОМСОЮЗА
В ЗИМНЮЮ НОЧЬ.

Тысячи фоторепортеров увековечили елеякие улыбки президента САСШ Гувера и французского премьер-министра Лавала во время их свидания в Вашингтоне. Красота... прямо небесные херувимы...

„Крокодилу“ своим аппаратом удалось заснять „бой“, который происходил в это же время под столом.

А трудно, вероятно, сохранять на лице анильскую улыбку, когда тебя лягают носком или наступают тебе каблучком на любимую доволость?

ВШМ
в БЖЕ

ЕЗДА ВОСПРЕЩАЕТСЯ!

Красноуфимский горсовет потребовал у правления артели «Красный кустарь» 2.500 рублей на дорожное строительство.

Заботиться о состоянии дорог — весьма похвально, но горсоветчики к своим заботам прибавили угрозу: «В случае невнесения данной суммы, горсовет вынужден будет вас лишить коммунальных услуг и проезда по главным улицам города»...

Если такие категорические меры будут приняты и в отношении других организаций, то красноуфимские дороги и чинить не надо... Потому что, куда же ехать? Дальше ехать некуда!

ПРЯМАЯ ПРОПОРЦИЯ

Врид. управляющего конторой Госбанка в Ашхабаде, Плетнер, для повышения посещаемости уроков туркменского языка сотрудниками банка сделал распоряжение.

С опоздавающих более 5 раз в месяц производить удержания как за прогул, за все дни пропусков. С опоздавших с 10 до 15 минут вычитать часовой заработок. Полудневный заработок — с опоздавших больше 15 минут.

Самого Плетнера за прогулы и штрафовать не стоит; чем больше у него прогулов, тем больше толку в работе Госбанка.

«МИШКА, ВЕРТИ...»

Вольное обращение с календарем позволяет себе и «Экономическая жизнь». Так из № 255 (3940) газеты от 7 ноября 1931 года мы узнаем, что Советский союз вступил в 15-й год Октябрьской революции.

Однако уже 10 ноября, когда еще не успели высохнуть чернила на страницах октябрьского номера, «Экономическая жизнь» возвращает нас обратно. Глядите сами:

Ноябрь 10 1931 года,
№ 256 (3941)

14-й год Октябрьской революции.

Так иногда завоевавшийся механик поворачивает обратно ручку киноаппарата.

Приходится все же напомнить «Экономической жизни», что мы живем в 15-м году диктатуры пролетариата.

«ВСЕ ВРУТ КАЛЕНДАРИ»

Настоящими темами идет работа в правлении ТПО водников Аральского моря: 15 ноября получает райРКИ послание от ТПО за № 493, датированное 16 ноября, с просьбой прислать своего представителя на экстренное заседание правления ТПО... «завтра 9 ноября».

Не «все врут календари!» Бывают, как видите, случаи, когда бюрократы врут на... календари.

«А ЧТО К ЧЕМУ — НЕИЗВЕСТНО...»

Вот какая справка выдана Бородинским сельсоветом (Сибирский край):

Дана настоящая справка Богородскому РОО в том, что по постановлению заседание Сельсовета, что твердовладцам и лишенцам дать на лошадей рабочего 76 кубометров вывезти лесовогоготовки, каковые не работают, что нам неизвестно. Что и удостоверяет.

Председатель сельсовета (подпись неразборчива).

А по-нашему не только подпись, но и содержание неразборчиво. Кто не работает? Лошади, рабочие, твердовладцы, лишенцы или сам сельсовет?

И одно из двух: или известно, что не работают, или неизвестно, что работают.

Изд-во ЦК ВКП(б) „ПРАВДА“ || АДРЕС РЕДАКЦ.: Москва, Тверская, 8. Прием ежедневно с 1 до 5 час., кроме 6, 12, 18, 24, 30 чисел каждого месяца. Подписки, цена на журн. „КРОКОДИЛ“ — 60 к. в месяц. Подписка принимается только ПОЧТОЙ до сроков, установленных местными почт. отделами.

Редакционная коллегия: Я. Бельский, С. Дорофеев, Ш. Мануальский, А. Митницкий, В. Филос.

Зав. редакцией: И. Абрамский.

Ответственный редактор Ш. Мануальский

Москва. Изд. № 94.

Сдача текста и рисунков — 41

Подпись и печать — 101

Статформат А9 — 220×333. Печетных листов 2. Количество ящиков 65.00

Уполномоченный Главлита № В — 18624.

Тип. „Рабочей газеты“, Москва, Суцеский вал, 49.

Зак. № 17.

Тираж 500.000 экз

АРХИВ
29 ЯНВ 1932
С. Ц. К. П.

ЦИАЛ-ДЕМОКРАТЫ У БОРЗИГА

В Берлине закрылся крупнейший металлургический завод Борзига. С.-д. газета „Форвертс“ глубокомысленно усматривает причину краха завода в том, что владельцу его слишком много внимания уделял... разведению кактусов и орхидей.

2903

Ив. Малютин

„МАРКСИСТСКИЙ“ ПОДХОД

— Наша комиссия, господин Борзиг, всесторонне изучила экономические и социальные причины закрытия вашего завода: все произошло потому, что вам надо было сажать гвоздики и розы вместо кактусов и орхидей...